

Рабочая профессия: успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте¹

Наталья Кремнева*, Евгения Лукьянова**

В центре статьи — субъективные представления молодых рабочих о своем социальном положении. Показывается, что сегодняшнее пространство рабочих профессий является очень разнородным. В нем есть место не только аутсайдерским, но и очень успешным позициям. На основании эмпирических данных рассматривается современное понимание рабочими жизненного успеха, а также места трудовых характеристик в оценке своих достижений. Особое внимание уделяется значению высшего образования как ресурсу социального продвижения и его роли в жизненных стратегиях рабочей молодежи. Подчеркиваются найденные межпоколенческие различия: приводится мнение родителей по поводу выбора детьми рабочих профессий, их оценки жизненного старта с поступления в средние-технические заведения профессиональные училища.

Ключевые слова: молодежь, рабочие, трудовые стратегии, представления о социальном успехе, межпоколенческая мобильность

«Брюс Уиллис прежде, чем стать тем, кем он стал, кем только не работал, и официантом, и барменом, и на заводе тоже кем-то был, — и это никак не помешало ему стать богатым, известным и лучшим»

(25 лет, кладовщик, Ульяновск)

Введение

Изучая социальную мобильность, ученые невольно берут за ориентир классическую ее схему: через материальные возможности семьи — к образовательным успехам детей — и их карьерным достижениям — вплоть до самых высоких чинов. Все, кто по тем или иным причинам в эту схему не вписывается, относятся к социально уязвимым или плохо адаптируемым группам, для которых скорее нужно устанавливать меру

¹ При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта УОО «Соцарт» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ. Руководитель проекта — председатель УОО «Соцарт» Евгения Лукьянова.

* Кремнева Наталья, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии УлГУ. kremneva_n@inbox.ru.

** Лукьянова Евгения, научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ, председатель УОО «Соцарт». lukyanova.jenya@gmail.com.

маргинализации, а не искать вероятность повышения статуса. Примером тому стали рабочие, в некоторых классификациях их как раз размещают между средними и низшими слоями общества. Причем их неквалифицированная часть плавно переходит в андеркласс (Тихонова, 2011). Большое количество студентов вузов, выдаваемые школьникам рейтинги профессий, наверху которых стоят депутаты и бизнесмены, служат весомым доводом низкой престижности рабочих профессий и их места в ряду проигрышных позиций. Тем не менее данные Росстата свидетельствуют о том, что за последние десять лет около пятой части всех рабочих устойчиво приходилось на тех, кому не исполнилось 30 лет. Как показано в таблице 1, их доля год от года колебалась незначительно — в пределах 1–2%. Более того, если пересчитать указанные цифры от общего числа занятой в экономике молодежи, то рабочими трудятся более трети юношей и девушек! Вряд ли их всех можно скопом назвать аутсайдерами. Тем более что, по мнению некоторых авторов, рабочих уже давно нельзя представлять единым классом, настолько разнообразной является их социальная композиция (Абрамов, 2012). Подчеркивается, что среди рабочих, как и в любом профессиональном поле, есть свои привлекательные ниши, попасть куда стремятся, в том числе, обладатели высшего образования.

В основе данной статьи лежат результаты исследования «Молодой российский рабочий и его жизненные стратегии в разрезе социально-экономических проблем», проведенного в 2015 г. в Елабуге, Санкт-Петербурге и Ульяновске². Оно было направлено на изучение особенностей принятия современной молодежью социальной роли рабочего. Его целью было уйти от алармистского подхода в оценке положения молодых рабочих и найти позитивные сценарии их прихода в профессию. Среди задач проекта ставилось определение уровня удовлетворенности выбором рабочих специальностей, а также классификация жизненных стратегий молодых рабочих с выяснением факторов, способствующих сохранению их трудовых установок. Отдельно изучалось отношение родителей к тому, что их дети предпочли рабочую стезю, а не пошли в специалисты или служащие. Кроме того, анализировалось мнение региональных экспертов по поводу популяризации рабочих профессий среди молодежи и подростков. Исследование носило качественный характер. Его основным методом было глубинное интервью. Всего было взято 45 интервью с молодыми рабочими, 18 интервью с их родителями и 18 интервью с экспертами. Кроме того, было организовано 9 фокус-групп с учащимися вторых-третьих курсов лицеев и колледжей, которые получают рабочие специальности³. В исследовании изучались различные виды рабочих профессий, выделенные в соответствии с Общероссийским классификатором занятий. Помимо квалифицированных рабочих промышленных предприятий в число молодых респондентов попали операторы станков, машинисты, крановщики, водители, а также те, кто занят на неквалифицированных должностях, — грузчики, уборщики, официанты, распространители объявлений и т. п. Участники в возрасте 16–29 лет подбирались таким образом, чтобы среди них были не только работники крупных или средних промышленных предприятий, но и мелких фирм. Они были заняты как в сфере производства, так и жилищно-коммунального хозяйства.

Для родителей критериями отбора выступали род деятельности и уровень образования. Нам удалось отобрать самые разные по социальному составу семьи: в некоторых

² Авторы выражают благодарность своим коллегам по проекту Наталье Гончаровой (заместителю директора НИЦ «Регион»), Ольге Ёлкиной (начальнику отдела маркетинговых и социологических исследований УлГУ) и Елене Кузьминой (доценту кафедры связей с общественностью, рекламой и культурологии УлГУ) за помощь в подготовке статьи.

³ Отдельной частью проекта было кейс-стади, посвященное изучению молодых рабочих-мигрантов. Оно состояло из 18-ти интервью с мигрантской молодежью и 6-ти интервью с их родителями. Материалы кейс-стади в данной статье анализироваться не будут.

Таблица 1

Численность молодых рабочих, занятых в российской экономике в 2004–2010 гг.¹

Год	Рабочие всех специальностей				Квалифицированные рабочие		
	Всего, занятой молодежи 15–29 лет	Всего, занятых по рабочим специальностям	Молодежь 15–29 лет	% молодежи от занятых по рабочим специальностям	Всего, квалифицированных рабочих	Молодежь 15–29 лет	
						тыс. чел.	тыс. чел.
2004	16682	25997	5665	22	9622	2251	23
2006	16982	25804	5888	23	9620	2340	24
2008	17575	27243	6383	23	10523	2684	26
2010	16731	27480	6241	23	10868	2532	23
2012	16317	26682	6305	24	10321	2536	25

¹ Таблица составлена на основании сборников Росстата «Труд и занятость в России», 2006–2013 гг. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_36/Main.htm. В столбцах «Рабочие всех специальностей» обобщены показатели по численности квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр; операторов, аппаратчиков, машинистов установок и слесарей-сборщиков, а также неквалифицированных работников. Часть рабочих профессий Росстатом отнесена к работникам сферы обслуживания, ЖКХ, торговли, сельского, лесного и охотничьего хозяйства, рыбоводства. В таблице их численность не учитывалась.

из них дети, став рабочими, пошли по стопам взрослых. В других случаях родители работали специалистами и служащими, имели собственный бизнес и даже были топ-менеджерами (фармакологической компании, промышленного предприятия). Респондентами выступали как отцы семейств, так и матери. Включение родителей в исследование было важно не только с точки зрения их отношения к рабочим карьерам сыновей и дочерей, но и для выяснения их собственного трудового пути. В научной литературе давно закрепилось мнение о внутрисемейной преемственности основных статусных характеристик, в том числе касающихся профессиональной области. В то же время утверждается, что тем, кому сегодня за сорок, а именно к этому поколению принадлежат все участвовавшие в исследовании родители, сами были вынуждены менять характер занятости из-за экономических изменений 1990-х гг. (Шкаратан, 2009). Сегодня довольно значительная доля из них трудится в неформальном секторе или на временных работах. А почти треть вынуждена искать дополнительные источники заработков (Карабчук, Косолапова, 2011). Не стали исключением и родители из описываемого проекта. Помимо своей главной работы или пенсии, они также устраивались таксистами, ночными сторожами, подрывались на слесарные работы, установку окон, вязание и вышивку. Поэтому не так уж редко среди семей попадались промежуточные типы, которые было трудно отнести к какой-то одной социальной группе. Среди молодых рабочих оказалось довольно много юношей и девушек с высшим или неоконченным высшим образованием, прошедших впоследствии обучающие курсы на производстве. Некоторые из них совмещали работу специалистами и физический труд: пиарщик вечерами трудился барменом, юрист по выходным и в праздничные выходила парикмахером, веб-дизайнер не отказывался «подшабашить» газосварщиком, а инженер — грузчиком мебели. При этом рабочие специальности помогали им значительно пополнить свои бюджеты, а порой заработки по ним превышали основные оклады.

Результаты исследования показали, что дестандартизация занятости способна внести существенные коррективы в измерение социальной мобильности. Традиционные методики опираются на то, что положение человека в обществе если и изменяется, то это происходит постепенно: от одной должности к другой или при смене места работы. При этом в биографии все равно остаются какие-то незыблемые константы, например образование или профессия, от которых можно отталкиваться в определении статусов и их динамики. Сегодня многие социологи замечают, как сложно становится охарактеризовать род деятельности человека и его карьерные достижения (Шевчук, 2007). Частая смена работы, освоение нескольких профессий, переход к самозанятости, неформальный или временный характер трудовых отношений оставляют множество вариантов для самонахождения в шкалах анкет. Нередко звучат предложения пересмотреть существующие классификаторы и разработать такие, которые бы охватывали новые формы трудового поведения (Гимпельсон и др., 2009). В основном споры ведутся по поводу среднего класса, на ключевую роль которого указывается в постиндустриальных теориях (Алексеев, 2012). Фрилансеры с их дискретной без четких границ занятостью ломают представления о поступательной социальной мобильности (Харченко, Бурлуцкая, 2013). А изучение «новых бедных», среди которых находится немало специалистов с высшим образованием, заставляет ученых сомневаться в эффективности ее восходящих каналов (Ярошенко, 2010). Хотя подсчет жизненных шансов для выходцев из разных социальных групп все еще не прекращается в отечественных исследованиях (Выравнивание..., 2012). Между тем, по крайней мере для молодежи, подчеркивается важность жизненного стиля для ее дифференциации, а также то, что особенностями потребления более надежно указывают на социальную принадлежность, нежели род деятельности или образование (Omelchenko, Pilkington, 2013). Лидеры местных молодежных сцен могут быть кем угодно: офисными клерками,

предпринимателями, безработными. Доступ к духовным ресурсам является не менее значимым, чем вся материальная сфера (Радаев, Шкаратан, 1995). Вслед за П. Бурдые все соглашаются, что одного и того же социального положения можно достигать, используя разные типы капиталов.

Рабочая профессия как жизненный старт: амбиции родителей

Согласно исследованию «Молодой российский рабочий и его жизненные стратегии в разрезе социально-экономических проблем» к пониманию жизненного старта можно подходить по-разному. Негативный стереотип рисует поступление в начальные и средние профессиональные заведения как вынужденный шаг со стороны семей, у которых не хватает средств на подготовку детей к ЕГЭ и их последующее обучение в вузах. Туда отправляют ребят с плохой успеваемостью, без выраженных талантов и способностей, имеющих проблемы с поведением. Между тем во многих семьях, участвовавших в проекте, родители полагали, что получение рабочей профессии в наши дни является более разумным решением, чем поступление в лишь бы какой вуз с неясными перспективами дальнейшего трудоустройства. Они, несомненно, хотели бы видеть своих детей преуспевшими в жизни и добившимися в ней материального благополучия. Но, оглядываясь на личный опыт, думают, что только рабочие профессии могут дать ту опору в жизни, которая не оставит их сыновей и дочерей без заработка при любых социально-экономических условиях. Они рассчитывают, что впоследствии их дети смогут выучиться на специалистов, но, имея базовую рабочую профессию, увеличат свои шансы на карьеру в случае благоприятного стечения обстоятельств, а в кризисные времена — на выживание. *«Я ему просто предложил постепенно... — вспоминает о том времени, когда сын оканчивал школу, его отец-инженер, — не поступать сразу в университет, а получить специальность, которая будет кормить. Техникума для хорошей зарплаты уже вполне достаточно» (49 лет, высшее образование, СПб).* В итоге в этой семье сошлись на том, что профессия монтажника оптоволоконных сетей будет как раз хорошим подспорьем в жизни. Еще взрослое поколение рассматривает успешность разных занятий с точки зрения того, насколько они будут оставаться подходящими и удобными в случае создания семьи, рождения ребенка или, наоборот, развода, переезда в другой регион, болезни и прочей вереницы событий. Сами по себе рабочие профессии не обладают большей «подушкой безопасности», но их главное достоинство — быстрая обучаемость, а также широкий спектр (выделяются около 4 тыс. таких специальностей), делают их более гибкими в масштабе разных жизненных ситуаций.

Родители большое значение уделяют социальным функциям рабочих профессий. Труд в каком-либо цеху нередко сравнивается с армией. Он приучает к дисциплине и исполнительности, формирует чувство ответственности, заставляет раньше взрослеть и браться за ум, оставлять позади подростковые увлечения. Рабочие, как рассуждает еще один отец, фельдшер по специальности, — это *«не счетоводы, не писари. Они все, грубо говоря, монтажники, сборщики, все держат в руках железо. А те, кто держат в руках железо, по моему понятию, им в случае необходимости страну доверить можно будет» (56 лет, среднее специальное образование, Ульяновск).* Физический труд также приобщает подросших детей к семейному хозяйству. Даже если дети после окончания училища не захотят идти в рабочие, в доме всегда будет человек, способный починить электрику, разобраться с сантехникой, сделать ремонт и вкусно приготовить поесть. Бытовая «полезность» рабочих профессий является одним из критериев, который обязательно рассматривается при выборе будущего ребенка. В этом плане водители, автослесари, строители, те же сантехники и электрики оказываются не менее важными, чем врачи и юристы. А вот учителя, психологи, менеджеры и даже инженеры относятся

к числу тех, кто будет вынужден всю жизнь прибегать к услугам других лиц, тратя на это значительную часть своих доходов.

Образ самодостаточной семьи, независимой от внешних перемен, члены которой способны взять на себя разную физическую работу, остается притягательным не только для глубинки, но и для столичного Санкт-Петербурга. Интересно, что некоторые предприниматели из тех же прагматических соображений полезности отправляют своих детей в лицеи и колледжи за основными в их деле рабочими профессиями. Они рассчитывают, что так наследники с самых низов освоят особенности ведения бизнеса. Во время фокус-групп с учащимися средне-специальных учебных заведений (ссузов) и профессиональных училищ (пу) встречались мальчики и девочки из семей, чье финансовое положение позволяло бы сразу дать им высшее образование. Тем не менее директор средней по размерам строительной фирмы предпочел, чтобы его сын вначале окончил строительный колледж, а мама, владеющая швейным ателье, послала свою дочь учиться на швею-дизайнера. Среди осваивающих специальность автослесаря почти у каждого третьего родители имели станцию технического обслуживания или шиномонтажную мастерскую. Впрочем, сами участники исследования подходили к семейному бизнесу несколько шире, чем владение каким-то предприятием. Например, за него они принимали практики одновременного найма на «вахту» несколькими членами семьи или родственную кооперацию в дальнебойных рейсах. В качестве помощников в подобные семейные бригады часто берутся и дети, уже в подростковом возрасте осваивающие свои первые рабочие специальности, а потом полноценно включающиеся в совместную трудовую деятельность.

Родители, особенно с высшим образованием, исходят еще из того, что с рабочими профессиями проще подобрать ту отрасль или предприятие, в которых потом стоит развиваться. Вместо того чтобы тратить четыре-пять лет в вузе, можно, даже не поступая в училище, а обучившись на производственных курсах, разобраться с тем, что из себя представляет работа в той или иной сфере: ее содержание, преобладающие условия, уровень оплаты, карьерные перспективы и т. п. А затем, уже с гарантией того, что ребенок не бросит профессию, направлять его в вуз. Молодость кажется самым подходящим периодом для таких профессиональных экспериментов, когда можно довольно легко менять специальности и пробовать себя в различных областях экономики. На собственных примерах взрослое поколение показывает, что лучше в юные годы испытать себя в разных профессиях, чем потом по прошествии многих лет разочаровываться и начинать заново искать себе дело по душе. Среди родителей были такие, кто через 15–20 лет «уходил» из врачей, начальников участков, бухгалтеров. Почти во всех семьях мать или отец (а чаще всего оба) вынуждены были отказываться от мечты реализоваться в выбранной еще в юности профессии. А некоторые по несколько раз кардинальным образом меняли род занятий. Отсутствие у взрослого поколения профессиональной стабильности ведет к формированию и последующей трансляции ситуативного отношения к любой получаемой специальности: она не должна выбираться один раз и на всю жизнь. Наоборот, чем шире имеющийся в запасе портфель профессий, тем больше возможностей для достижения успеха. Родителями ценятся такие виды деятельности, которые позволяли бы гибко переходить от одной занятости к другой. Например, водитель — автослесарь — автоэлектрик — автомалляр; плотник-монтажник окон и дверей — обивщик балконов — сборщик мебели; повар — пекарь — бармен — сушист, не говоря о множестве строительных специализаций и т. п.

Рабочая профессия как начало трудового пути: выборы детей

Установка на вариативную занятость существенно усложняет межпоколенческую мобильность. Трудность заключается в том, какие из профессиональных достижений детей и родителей следует сопоставлять друг с другом. Если у взрослого поколения

имеется в запасе не одна специальность, то, читая интервью с молодыми рабочими, создается впечатление, что некоторые из них вообще заняты коллекционированием профессий и мест работы. Своеобразным рекордсменом стал 19-летний бармен из Санкт-Петербурга. Начав работать в 12 лет, он *«продавал сим-карты, озеленителем был... Потом продавец автомобилей был, также по знакомству, ну, это уже с 18-ти лет. Ди-джем какое-то время работал. На подработках фотографом был. Много работы, даже все не помню сейчас. Грузчиком работал, тоже с 16 лет, потом был период, когда я работал тальманом, учетчиком груза в порту, числился марсовым матросом»* (19 лет, учащийся колледжа, СПб).

В целом в багаже этого юноши уже сейчас 11 разных профессий! И он не собирается останавливаться на достигнутом, пытаясь заниматься еще и музыкой, а в будущем рассчитывает открыть собственное кафе. «Путешествие в поисках себя» — так метко обозначала другая респондентка свой опыт на 7-ми различных предприятиях за последние два года. Значение рабочих профессий состоит и в том, что они помогают растянуть молодость. Часто как сами юноши и девушки, так и их родители в качестве рубежа устанавливали возраст в 30–35 лет, к которому нужно до конца разобраться со своими предпочтениями и решить, на какой из сфер деятельности стоит остановиться. Такое их мнение позволяет по-иному взглянуть на самореализацию и ее успехи. Если раньше под ней понимали совершенствование в профессии и наращивание мастерства, то теперь ее способом становится накопление разных компетенций. При этом в свой «человеческий капитал» молодежь превращает не только навыки, полученные в стенах техникумов и училищ, но и просто навыки, перенятые у родителей или друзей. На многих рабочих местах от них не требуется какого-то специального образования, достаточно бывает принципа: «Видел — значит, сможешь повторить!».

Частая смена занятости у молодых рабочих, а также ее множественный характер, во все не выглядит для них самих проблематичным. Наоборот, это в полной мере отвечает их нынешним ценностным ориентациям, заставляющим «быть все время в движении» не только в культурной, но и трудовой жизни. Здесь это означает постоянный поиск новых возможностей заработка, поддержание «полезных» знакомств, через которые можно устроиться на работу, а также отслеживание соответствующих предложений в Интернете. *«Он у меня молодец. — отзывается о своем супруге-механике респондентка из Ульяновска, — Он у меня часто на «шабашки» ходит. Двери устанавливает межкомнатные, обшивает пластиком туалет, ванную, балконы. Дома не сидит. Вот он с понедельника в административном, уже нашел «шабашку»: будет туалет с ванной обшивать пластиком. Он всегда на «движухе», всегда деньги зарабатывает»* (28 лет, высшее образование, доводчица, Ульяновск).

Многие из молодых рабочих стали сами себе менеджерами, самостоятельно находя заказчиков своих услуг. Поддержание репутации как «профессионала» или «мастера на все руки» становится важной составляющей имиджа молодых рабочих. Родители, в частности те, кто сами долгое время трудились по рабочим специальностям, не сомневаются, что профессиональные и личностные качества их детей всегда будут востребованы работодателями. Различные варианты работы, которые находят их сыновья и дочери, формируют у старших представление о том, что те уже стали ценными кадрами для рынка труда. Любопытно, но и сотрудники служб персонала, у которых брались экспертные интервью, тоже находили, что для молодых рабочих частая смена предприятий скорее является показателем успешности. В то время как продолжительное трудоустройство на одном и том же месте свидетельствует об их безынициативности, нежелании стремиться к лучшим условиям труда и более высоким окладам. И те и другие продвигали образ современных рабочих как самодостаточных, независимых, уверенных в своих силах работников.

Рабочая профессия как способ достижения социального успеха: взгляд родителей

Родители убеждены, что среди рабочих всегда выделялась своя элита, как по уровню заработков, так и по качеству жизни. Попадание в нее зависит только от личных качеств и усилий самого человека, оно является сложной, но гораздо более выполнимой задачей для их детей, чем сделать карьеру в офисе. В некоторых семьях полагали, что их сыновья и дочери совершат ошибку, если уйдут из рабочих на должности служащих и специалистов. Старшее поколение помнит еще начинание советских времен, когда рабочих всячески призывали поступать в вузы. При этом впоследствии оказывалось, что инженеры и технологи, на которых они выучились, получали в разы меньше оставшихся в рабочих товарищей. Токарь из Ульяновска, рассказывая о тех годах, не жалеет о том, что тогда бросил институт: *«меня не тянуло, да, в руководящую работу... И потом, 350 рублей, 400 рабочий получает. И кем бы я там, технологом на 140 рублей?.. Как-то часы на трусы менять не захотелось» (51 год, профессиональные курсы, Ульяновск).*

Из двух его сыновей один — *«младший разгильдяй»* — пошел в фрезеровщики, а другой — *«старший, учился хорошо»* — окончил университет на специалиста по рекламе. Сейчас работа есть только у первого сына, а второй *«сидит дома, не работает, лежит, вернее, на диване»*. Их отец, кстати, достигший наивысшего шестого разряда, показывает на примерах друзей и родственников, что в основной массе рабочие как стояли в советские времена выше специалистов по социальной лестнице, так и находятся там теперь. У них больше шансов добиться материального успеха, нежели у обладателей вузовских дипломов. Его сын-фрезеровщик в Ульяновске зарабатывает свои 45 тыс. рублей (при среднем уровне в 23 тыс. рублей), а вот сыну-рекламщику за такими деньгами, скорее всего, придется куда-то уезжать, здесь для него есть вакансии *«только с мизерными зарплатами»*. Продолжая сравнивать между собой успехи детей, отец также подмечает, что оба они уезжали перед Олимпиадой в Сочи. Сын-фрезеровщик занялся там ремонтом квартир, подрабатывал на строительстве спортивных объектов, а сын-рекламщик устроился менеджером в гостиницу. В выигрыше, на взгляд отца, опять остался сын-фрезеровщик, сумевший таким образом заработать себе на машину.

Родители с высшим образованием тоже скептически оценивают эффективность высшего образования для стремительного взлета карьеры детей. Они не видят в поступлении в вуз того универсального средства, которое позволит одновременно приобрести интересную и доходную профессию. Для того чтобы оно сработало в качестве социального лифта, нужно выполнение многих внешних условий. Лишь в 7-ми из 58-ми случаев (если рассматривать вместе массив интервью родителей и молодых рабочих) высшее образование матери или отца позволило семье выбраться в более высокие социальные слои. Однако и в этих семьях карьеры родителей не были прямолинейными, в них тоже были периоды, когда приходилось соглашаться на работу ниже уровня своего образования. Вопрос состоит в том, хватит ли нынешних сомнений родителей в том, чтобы переломить стремление к едва ли не всеобщему высшему образованию и вернуть абитуриентов в техникумы с училищами. Полученные в ходе исследования качественные данные, конечно, не смогут послужить материалом для столь прогностических обобщений. Но чем ближе условия труда детей-рабочих к *«белым воротничкам»* (автоматизированное или оснащенное компьютером рабочее место, постоянно убираемое кондиционируемое помещение, немасляная рабочая одежда, наличие парковки у проходной), тем больше одобрения получает их выбор в семье. Именно условия, а не только одна заработная плата способствуют выделению, по мысли старшего поколения, элиты среди рабочих. Как хвалились в одном из елабужских интервью родители сына — оператора станков с числовым программным управлением, *«он приехал на машине, уехал тоже на машине. Выходит в галстучке, приезжает на работу,*

переодевается, и идет нормально работает» (отец, 51 год, среднее специальное образование, автослесарь, Елабуга). Соответственно этому рисуется и карьерный путь для тех, кто предпочел остановиться на рабочих профессиях: через разную занятость найти самые «чистые» и высокооплачиваемые места работы. С этой точки зрения для родителей вершиной успеха выступает трудоустройство на крупных предприятиях, где в отличие от других больше следят за порядком и меньше приходится заниматься низкоквалифицированным физическим трудом. Да и о социальных гарантиях там тоже не забывают.

Рабочая профессия как жизненная карьера: устремления детей

Возвращаясь к молодым рабочим, отметим, что их понимание успеха тоже зависит от того, где они будут работать. Вот только они выстраивают более сложную систему, в которой счастливыми оказываются те, кому повезет устроиться на заводы транснациональных корпораций. Но туда *«стоят очереди, потому что... без образования можно получить 30, 40, 50 тыс. рублей, — делится свои опытом бывший работник одной из таких компаний, — получить дополнительное медицинское образование, бесплатно еще кормят обедом, развозка туда и обратно, спецодежда, бонусы» (31 год, высшее образование, профсоюзный лидер, в прошлом сварщик, СПб).* Эти заводы («Тойта» и «Хёндай» в Санкт-Петербурге, «Бриджстоун» в Ульяновске, «Форд-Соллерс» и «Хаят Химия» в Елабуге) выделяются на фоне *«любых предприятий, особенно оставшееся с наших времен: Кировский завод, Ижорский. Там адские условия, там низкая зарплата, нет бонусов, там громадная текучка кадров...» (Там же).* Большинство молодежи сталкивается с высокой конкуренцией за места на самых престижных предприятиях своих городов: чтобы устроиться туда, нужны «связи», хорошее резюме с подтверждающими квалификацию дипломами, стойкость и удача на профессиональных экзаменах, а подчас и знание иностранного языка. Удачей будет считаться и трудоустройство на военные заводы, которые были существенно модернизированы и где также строго соблюдают обязательства перед работниками. Те предприятия, которые выпадают на долю оставшихся, они сами метко сравнивали с «домами престарелых», как по среднему возрасту своих коллег по цеху, так и сроку износа оборудования и моральной устарелости выпускаемой продукции, а также уровню зарплаты, сопоставимой с пенсиями бабушек и дедушек. Важно, что те профессии, по которым открыт набор на такие заводы, тоже с ходу признавались устаревшими. Оказаться там, может, и стоит, но только в начале своего трудового пути, чтобы получить образец того, к чему ни в коем случае не надо стремиться.

Еще одна альтернатива — сориентироваться на мелкий частный бизнес, устроиться в «гаражный» цех, уехать на «вахту» или записаться в строительную бригаду. Хотя там, в основном, предлагается временная и нестабильная занятость с тяжелыми условиями труда и простым оборудованием без защиты трудовых прав, многим молодым рабочим этот вариант нравится больше постоянной работы на обычных российских заводах. Только тут для них открывается хотя бы какое-то карьерное продвижение. Даже на иностранных предприятиях никто не поставит 18–20-летнего рабочего на какую-либо руководящую должность, а на «шабашках» такое вполне возможно. В интервью ребята хвастались, как их назначали бригадирами и поручали командовать не только своими сверстниками, но и «умудренными дядьками». Здесь за их работой лично следили «солідные» заказчики, нередко советуясь в затруднительных ситуациях. В автосервисе, малых типографиях и мебельных цехах трудолюбие и исполнительность приводили к тому, что молодежь из разнорабочих дослуживалась к 25–28 годам до заместителя директора. Да и достигаемый уровень зарплаток при вторичной занятости таков, что делает их очень привлекательными в глазах молодежи. Показательной с этой точки зрения была фокус-группа, проведенная в Ульяновске с будущими строителями. Лишь двое из десяти

ее участников собирались устраиваться на городские домостроительные комбинаты, остальные более перспективным считали обретение опыта в разных бригадах, специализирующихся на строительстве коттеджей и ремонте помещений. По их расчетам даже новички в этих бригадах имеют шансы получать до 50 тыс. рублей в месяц. В Елабуге юноши стремились попасть в бурильщики и помбуры. По их словам, на нефтяных «вахтах» можно получать до 150 тыс. рублей в месяц. Респонденты, обладавшие навыками электросварки, на строительстве ангаров и прочих металлоконструкций за один только летний сезон умудрялись зарабатывать до полумиллиона рублей.

Своеобразной «палочкой-выручалочкой» служит работа в такси. Одной из первых покупок с подобных строительных или нефтяных «шабашек» всегда становится машина (кстати, личный автомобиль был в семьях почти всех респондентов), которая сразу находит себе применение в пассажирских или грузоперевозках. Услуги такси, вместе с ремонтом квартир, являются теми вариантами занятости, что помогают молодым рабочим довести официальные зарплаты до удовлетворяющего их уровня. Например, еще один участник исследования получает 30 тыс. рублей в месяц, работая кладовщиком в одной из ульяновских торговых фирм. *«Еще 40 или 50 тысяч имею на подработках водителем. — Раскладывает он свой бюджет. — На эти деньги можно себе что-то позволить и отдохнуть, съездить, и еще что-то... с мальчишками там пивка, шашлычка в гараже пожарить. Отложить» (25 лет, среднее специальное образование, Ульяновск).*

У наиболее удачливых на таких «подработках» получалось заработать себе не только на машины, но и на квартиры. В Елабуге 23-летний водитель, сочетая занятость в особой экономической зоне с работой в городской службе такси, а также помогая отцу и дяде в дальнобойных рейсах, сумел скопить средства на строительство дома. Конечно, в интервью встречались и обратные примеры крайней нужды, но и в них выход на вторичный рынок труда рассматривался как единственный способ выживания. Семья 19-летней петербурженки (муж и годовалый ребенок) в какой-то момент осталась лишь с 12-ю тыс. рублей дохода, складывавшегося из разных социальных начислений. В силу определенных жизненных обстоятельств ее супруг не мог довольно долгое время работать, тогда она пошла распространителем объявлений, чаще всего берясь за заказы без всяких официальных договоров. Несмотря на то, что ей приходилось сталкиваться с обманом со стороны работодателей: отказами от оплаты сделанной работы или длительными задержками, — она считает, что расклейка объявлений их спасла. Семья смогла остаться в снимаемой квартире, денег хватало не только на необходимые продукты питания, но и «на игрушки побаловать сына». Правда, для этого ей приходилось расклеивать до 800 объявлений в день, а также братья за промоутерские акции. Если на первых порах она находила работу в основном через знакомых, ни от чего не отказываясь, то теперь она активно использует интернет-сервисы типа «Авито», где размещает объявления о своих услугах и уже оставнавливается только на тех предложениях, которые ее больше всего устраивают.

Активное вовлечение молодых рабочих во вторичную занятость приводит к формированию у них отличного от родителей пути к достижению успеха. Как продолжение своей основной деятельности они рассматривают самозанятость. «Работа — только для себя!» — вот та цель, которую они ставят не только в трудовом, но и социальном плане. Юноши и девушки не замахиваются на какие-то грандиозные бизнес-проекты. Их вполне удовлетворяет сезонная аренда гаража под шиномонтажную мастерскую или организация под своим началом строительной бригады из 5–7 человек. В самых далеко идущих мечтах значится: *«Грузовичок купить — средний... Буду в «Контакте» грузы до Москвы искать. Раз в неделю, на 100 тысяч, допустим. А что?! Неплохо, я считаю. 40 тысяч — водителю, бензин, то се, остальное себе» (23 года, профессиональные курсы, оператор, Елабуга).*

Особенностью рабочей молодежи является то, что юноши и девушки не собираются бросать свою основную занятость. Они пытаются гибко встраивать мелкий бизнес в уже

реализуемые трудовые стратегии, совмещая его с другими видами работ или меняя их в зависимости от складывающейся социально-экономической ситуации. На взгляд молодых рабочих, курс на предпринимательство является для них тем направлением, в котором удачно будут сочетаться их рабочие компетенции, хороший доход и свободный график работы. Они реалистично задумываются над тем, чем будут заниматься через 20–30 лет, и смогут ли они тогда выдерживать тяжелый физический труд. Многие из них уже столкнулись с невозможностью пробиться выше на своих предприятиях и найти место, где была бы «зарплата приличная и работа нетяжелая». Тот же кладовщик из Ульяновска намеревался дослужиться до менеджера по продажам: «Товар [пленка поливинилхлоридная (ПФХ)] я знаю, могу про него рассказать, цвета знаю, работу менеджера знаю, как документы оформлять, отсрочки — все это». Но ему в руководстве фирмы отказали: «Сказали — нет и все... Перекрыли сразу. Не дали вырасти» (25 лет, среднее специальное образование, Ульяновск). Респондент сам понимает, что когда такими же кладовщиками работают окончившие вузы, у него со средним специальным образованием есть шансы только на то, чтобы «втихую, чтоб никто не знал, подняли зарплату», как самому толковому и расторопному работнику склада.

Оказаться на нижней ступени трудовой иерархии для молодежи очень тяжело. Практически во всех интервью их участники жаловались на пренебрежительное отношение к себе со стороны управленческого звена, непонятные дисциплинарные требования, отсутствие поддержки их производственным инициативам и системы постоянного повышения квалификации, а также компенсаций за вредные условия труда. К тому же многим на собственном опыте пришлось узнать, как владельцы предприятий вместе с помещениями и оборудованием могут сдать в аутсорсинг или перепродать весь трудовой коллектив, запросто перепрофилировать функциональные обязанности, изменить график работы, ввести жесткую внутреннюю систему взысканий и наказаний. Те места, на которые юноши и девушки устраиваются, несмотря на обещания работодателей, часто превращаются в тот конечный уровень, до которого они могут подняться. Структурных ресурсов самих рабочих профессий не хватает, чтобы преодолеть этот «липкий пол». Повышать разряды можно лишь с периодичностью один раз в три-четыре года. К тому же при прочих равных условиях их трудовой опыт, достигнутая квалификация и другие профессиональные качества будут цениться меньше непрофильного высшего образования. Поэтому молодые рабочие возлагают большие надежды на самозанятость, полагая, что, покрутившись на «подработках» и «шабашках», они наберутся не хватающей им деловой смекалки и найдут там партнеров. Некоторые не исключают, что тоже отправятся в вузы за «корочками», однако опасаются, что уже к концу подходит то время, когда в институтах и университетах, особенно на заочных отделениях, можно было, лишь числясь, получать заветные дипломы. Преимущество самозанятости, по мысли самих респондентов, заключается как раз в том, что, выбирая ее, не нужно получать высшее образование, искать для этого лишние деньги и время.

Неопределенность отношения рабочей молодежи к высшему образованию лежит в основе ее чувствительности к своему социальному статусу. С одной стороны, она испытывает серьезное давление со стороны сверстников, массово поступающих в вузы. Бывшие одноклассники без всяких проблем попадают туда, рассказывая о легкости обучения в университетах и институтах, о беззаботной и веселой студенческой жизни. С другой стороны, многим из них не удается впоследствии не только сделать карьеру, но и вообще найти работу по специальности. Среди знакомых респондентов юристы клеили аквариумы, экономисты шлифовали двери, инженеры шли в охранники, а психологи — в механики. Поэтому молодые рабочие хотя и ценят высшее образование, как-никак оно «открывает дорогу в начальники», но стараются рационально рассчитать те выгоды, которое оно им может принести. Они находят, что в лучшем случае оно им гарантирует отложенную восходящую

мобильность. Двадцатидвухлетний наладчик станков из Санкт-Петербурга, глядя на своих заканчивающих вузы одноклассников, предполагает, что после выпуска у них «...начнется: *«Нам нужен с опытом работы, который разбирается, все нюансы в этой профессии знающий. А ты — молокосос, ничего не знаешь. Извините, не возьмем. Нам нужен, чтоб стаж 5 лет был, чтобы 6 лет»* (21 год, среднее специальное образование, Санкт-Петербург).

Прибавляя к этому сроку 4 или 5 лет обучения, он заключает, что его друзьям понадобится в среднем около 10 лет, чтобы устроиться туда, где им только представится перспектива хорошего заработка и карьерного продвижения. Отвечая на вопросы об удовлетворенности имеющимся у них уровнем образования, молодые рабочие были не прочь подчеркнуть свое превосходство перед теми знакомыми, кто после окончания вуза получает гораздо меньше их. Они думают, что формальный проигрыш в образовании вполне компенсируется имеющимся у них уровнем потребления. Участники исследования не сомневались, что если об их жизненном успехе судить не по дипломам, а измерять его благосостоянием, то в этом они преуспели больше.

Сами себя юноши и девушки причисляли к среднему классу: они живут не хуже большинства горожан, отовариваются в тех же супермаркетах, что и остальные, так же ездят на курорты Египта и Турции, ходят отдыхать в клубы. Для них в оценке успеха важна общая удовлетворенность жизнью. Содержание же работы из-за ее частой смены и сам престиж профессии отступают на второй план. Если учащиеся лицеев и колледжей в 15–16 лет придирчиво разбирались с доступными им специальностями и считали, что здорово стать плиточником или паркетчиком, в то время как бетонщиком или сантехником — не самый завидный удел, то в 25 лет рабочая молодежь уже исходит из того, что *«работа — это работа, это, как говорится, это мои деньги, это мой хлеб»* (25 лет, среднее специальное образование, оператор call-центра, в прошлом пекарь, Ульяновск). Их трудовые установки приобретают целе-рациональный оттенок, при котором единственным мериллом становится размер заработной платы. Они наставительно замечают, что сейчас как молодежь, так и их родители *«ищут работу не оттого, где тебе хочется, а где больше прибыли, чтобы не нуждался ни в чем»* (25 лет, неоконченное высшее образование, грузчик, Елабуга). Только 3 из 45 дававших интервью молодых рабочих были по-настоящему увлечены своей работой. Позицию остальных лучше всего выразила 25-летняя респондентка из Ульяновска. Она успела проработать пекарем на крупном хлебозаводе, кондитером в небольшой фирме по производству тортов, а теперь ушла в операторы call-центра. Ни одного из своих занятий она не стесняется, но и *«с гордостью тоже не могу сказать, я отношусь параллельно»* (25 лет, среднее специальное образование, Ульяновск). Сравнивая свои достижения с бывшими одноклассниками, рабочая молодежь к 25–29 годам начинает обращать внимание не на сам факт наличия у них работы и тот уровень жизни, который она обеспечивает. Развернутые трудовые характеристики, а вслед за ними и образовательные, тем самым исключаются из системы показателей социальной мобильности. Родители тоже с высоты своих лет считают образование и должности преходящими критериями. В обычной жизни гораздо значимее в оценке успешности детей становится наличие у них семьи, собственных детей, жилья, решение других бытовых вопросов и т. п. Со временем даже забывается, какое точно учебное заведение и по какой специальности оканчивали их сыновья и дочери. А переход тех с одной работы на другую запоминается, только если он был связан с каким-то важным жизненным событием.

Заключение

Итак, в статье рассмотрены особенности восприятия молодыми рабочими своего социального положения. Они находят в нем определенные преимущества и видят перспективу продвижения внутри самого пространства рабочих профессий, не считая, что

они дают меньше жизненных шансов, чем другие виды занятости. Собранные интервью показывают, что рабочие не только адаптировались к изменившейся статусной структуре, но и активно переконструируют ее в своих интересах. По их представлениям, они занимают особое положение в обществе. С их точки зрения, рабочие составляют его фундамент, но не как низовая, а как самая надежная часть. Без целого ряда профессий специалистов, особенно в трудных условиях, можно обойтись, а вот без труда рабочих нет. Многие семьи одобряют старт своих детей с рабочих профессий, как с точки зрения экономических выгод (широта предложений на рынке труда, высокие заработки), так и правильных моделей взросления. Исследование носило качественный характер, поэтому не претендует на генерализацию сделанных выводов. Но оно продемонстрировало, что стереотипизация рабочих, в том числе в научной литературе, может привести к одностороннему взгляду на их социальную мобильность. Для них значимым лифтом оказывается самозанятость и предпринимательская инициатива. К высшему образованию у молодых рабочих сформировалось двойное отношение. Имея его, легче продвинуться по служебной лестнице, но оно не гарантирует больших, чем у них сейчас, заработков, а также стабильности. Юноши и девушки руководствуются собственными критериями при оценке успешности трудоустройства. Работа для них делится не по профессиям, а по условиям труда. Разница последних вместе с дифференциацией оплаты труда приводит к расслоению рабочего класса. В проекте как раз получилось найти ту часть молодежи, которая приблизилась к его верхним слоям. Пока еще этих юношей и девушек трудно назвать «элитой» или «аристократией» рабочего класса, но их пример нельзя не учитывать при анализе общего положения рабочих.

Литература

Абрамов Р. Н. Металлурги на промышленном предприятии // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2012. С. 153–175.

Алексеев А. А. Средний класс в структуре современного Российского общества. Орел: ОФ РАНХиГС, 2012.

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Карабчук Т. С., Рыжикова З. А., Биляк Т. А. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? // Экономический журнал ВШЭ. 2009. № 2. С. 172–216.

Выравнивание шансов детей на качественное образование: сб. материалов // Комиссия общественной палаты Российской Федерации по развитию образования / Под общ. ред. И. Д. Фрумина, С. Г. Косарецкого, М. А. Пинской, И. Г. Груничевой, Т. В. Тимковой. М.: НИУ ВШЭ, 2012.

Карабчук Т. С., Косолапова С. С. Динамика и структура неполной и вторичной занятости в России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). М.: НИУ ВШЭ. С. 84–96.

Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1996.

Тихонова Н. Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24–35.

Харченко В. С., Бурлуцкая М. Г. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 111–123.

Шевчук А. В. О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 44–54.

Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М: ОЛМА Медиа Групп, 2009.

Ярошенко С. «Новая» бедность в России после социализма // Лабораториум. 2010. № 2. С. 221–251.

Omelchenko E. L., Pilkington H. Regrounding Youth Cultural Theory (in Post-Socialist Youth Cultural Practice) // Sociology Compass. 2013. Vol. 7. № 3. P. 208–224.